

С.И. Кормилов

Голос репрессированного народа: «Реквием»

«Реквием» складывался постепенно (1935–1940, своеобразное стихотворение в прозе «Вместо предисловия» — 1957, автоэпиграф «Нет, и не под чуждым небосводом, / И не под защитой чуждых крыл, — / Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был» — из стихотворения «Так не зря мы вместе бедовали...», 1961). Его можно назвать и поэмой, и лирическим циклом. Лирика предельно обобщает и одухотворяет события и человеческие индивидуальности. В «Реквиеме» нет имен и фамилий, кроме имени Магдалины в «Распятии», даже Христос не назван, Мария — «Мать», Иоанн — «ученик любимый». О непосредственно общезначимом говорится и соответствующим языком. Но события, происходящие с огромным количеством людей, с народом, — предмет эпического рода, даже его первичного жанра — поэмы-эпопеи.

Первый смысловой пласт «Реквиема» автобиографичен. Открывающее основную часть цикла стихотворение «Уводили тебя на рассвете...» непосредственно изображает арест в 1935 году Н.Н. Пунина, тогда выпущенного благодаря стараниям Ахматовой. Остальные девять стихотворений связаны с арестом сына, двадцатилетнего Л.Н. Гумилева, в 1938 году, его предварительным заключением и вынесенным ему через семнадцать месяцев приговором. Но автобиографический образ уже двойится. Бывшая «царско-сельская веселая грешница» (стихотворение IV «Показать бы тебе, насмешнице...») — надо отметить, что всегда грустная героиня первых ахматовских книг теперь кажется автору веселой, — словно совсем другой человек; в стихотворении III первые слова — «Нет, это не я, это кто-то другой страдает. / Я бы так не могла...». В стихотворении IX безумие охватывает героиню, прислушивающуюся «к своему / Уже как бы чужому бреду». Но прежде, «обезумев от муки, / Шли уже осужденных полки...» («Вступление»).

За автобиографическим пластом «Реквиема» вырисовывается второй, обобщенно-содержательный. В «Посвящении» цитируется пушкинское послание декабристам («каторжные норы»), упоминаются «шаги тяжелые солдат» (слово «солдаты» тогда еще не было возвращено в обиход), во «Вступлении» назван Ленинград, который «ненужным привеском болтался / Возле тюрем своих», но СССР здесь — «безвинная Русь». Первое стихотворение основной части отличается колоритом, напоминающим о средневековье: дети (в реальности — Пунина и соседей) плакали в «темной горнице», а не в комнате, свеча у божницы, иконка тоже скорее ассоциируются с «горницей», а в конце — историческое сравнение: «Буду я, как стрелецкие женки, / Под кремлевскими башнями выть». Во втором стихотворении, «Тихо льется тихий Дон...», упоминается любимая народом река, на которую люди бежали в поисках вольности (в стихотворении VIII «К смерти» по контрасту появится Енисей как признак Сибири, места ссылки, а Нева в цикле выступит и немой свидетельницей страшных событий, и символом потока жизни, преодолевающего гнет времени). На Дону тоже ночь, в доме больная и одинокая женщина. У нее, однако, судьба самой Ахматовой: «Муж в могиле, сын в тюрьме». Здесь «муж» — уже Н.С. Гумилев, жертва первых послереволюционных репрессий против интеллигенции, отец единственного сына Ахматовой. Третье лицо внезапно меняется на первое: «Помолись обо мне». Но имен нет, биографическое понимание текста лишь одно из возможных, простейшее.

Ахматова воссоздает то, что бывает с разными людьми в разные времена. По преимуществу же имеются в виду современницы, «невольные подруги / Двух моих осатанелых лет» («Посвящение»). Это третий пласт «Реквиема», сопряженный с темой памятника в «Эпилоге». Памятник может быть поставлен не многоликой героине ранних стихов,

а реальной женщине-поэту, которую в тюремной очереди кто-то «опознал», словно уличил в «вине» перед властями, творящими беззаконие, и которую «женщина с голубыми губами» спросила: «А это вы можете описать?» — услышав в ответ: «Могу».

Но памятник мыслится поставленным не столько великому поэту, сколько великому горю, которое Ахматова пережила со своим народом, осознав себя и подругой многих осиротевших матерей, и их покровительницей. «Для них соткала я широкий покров / Из бедных, у них же подслушанных слов», — сказано в «Эпилоге». Это четвертый пласт «Реквиема», сакрального происхождения. Героиня выступает здесь как новая богородица. Символически осмысливается название стоящей на берегу Невы тюрьмы «Кресты», упомянутое в стихотворении IV, стихотворение VI «Легкие летят недели...» заканчивается словами о белых ночах, которые глядят в тюрьму сына: «О твоём кресте высоком / И о смерти говорят». Завершение этот символ находит в последнем, двучастном стихотворении X «Распятие». Основная часть «Реквиема» заканчивается словами о Матери распятого: «А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел». Таким же молчаливо-неподвижным, но воплощающим великое горе может быть памятник на месте этого страдания, плачущий подтаявшим снегом. Звуки издавать при виде такого памятника может только вечная природа, принадлежащая лишь ей безмятежная птица, а люди, воплотившиеся в плод своей разумной деятельности, — олицетворенные корабли, которые проходят в благоговении мимо памятника, будут молчать: «И голубь тюремный пусть гулит вдали, / И тихо идут по Неве корабли».

Порой Ахматова достигает в «Реквиеме» предела своей точности и детальности, например, говоря о том, как она стоит в очереди «трехсотая, с передачей» и «своею слезой горячею» прожигает «новогодний лед», «как локоны из пепельных и черных / Серебряными делаются вдруг, / Улыбка вянет на устах покорных / И в сухоньком смешке дрожит испуг», и даже используя метафору: очереди собираются «под красною ослепшею стеною», то есть лишенной окон, — определение столь же точное, как указание на цвет кирпича. Но есть и случаи мнимой несогласованности. Героиня стояла «триста часов», кричит «семнадцать месяцев» и вспоминает невольных подруг «двух... лет». Она будет «выть», она кричит, но также «надо, чтоб душа окаменела», а следующий стих — «Надо снова научиться жить», хотя затем призывается избавительница-смерть в любом виде, даже в форме, «всем до тошноты знакомой», — после ареста. Эти противоречия обусловлены и атмосферой безумия в лирическом сюжете, и многоплановостью содержания и образов. О чем-то автор не может и не хочет договорить, внезапно обрывая или укорачивая свое высказывание. В «Посвящении» одна строка на стопу короче других: «И смертельная тоска». Что здесь еще досказывать? Самое короткое стихотворение, «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...», лишено единого размера, рифм и замыкается строкой-словом, назывным предложением «Ночь». Четвертое стихотворение рифмованное, но завершающей рифмы нет, в финале многоточие: «И ни звука — а сколько там / Неповинных жизней кончается...» Действительно ни звука, больше сказать тут нечего. Самое значительное мнимое противоречие — между названием цикла и «Эпилогом». Слово «*requiem*» означает просьбу вечного покоя, Ахматова же боится «и в смерти блаженной... Забыть гроыхание черных марусь, / Забыть, как постылая хлопала дверь / И выла старуха, как раненый зверь». Боязнь забыть *такое* оказывается сильнее и смерти, и самого страдания. Вновь перед нами настоящая *женщина*, мать, *мужество* которой, однако, вполне сродни героизму.

Композиция «Реквиема» уникальна. Обрамление десяти стихотворений-главок — «Вместо предисловия», «Посвящение», «Вступление», двучастный «Эпилог» — примерно равно по объему основной части и по содержанию не менее важно, в нем сильнее эпический, событийный элемент (в частности, дважды упоминаются «черные маруси» — народное наименование машин, увозивших арестованных), больше говорится об общем, чем о своем, личном: Ахматова словно никак не может перейти к собственному горю,

но не может и им все кончить. Ее устами «кричит стомиллионный народ». Вместе с тем в десяти главках развивается лирический сюжет, растет психологическое напряжение. Названия имеют только три кульминационные главки, VII, VIII и X, эти названия кратчайшие, однословные, но крайне значимые: «Приговор», «К смерти», «Распятие». *Лирический сюжет* наряду с эпическими элементами и позволяет говорить о «Реквиеме» как о поэме. По родовому принципу она в основном лирическая, по проблематике и основному тону — эпическая. В ней преобладает *высокий стиль*. Прозаизмы и разговорные слова его не разрушают. Совсем непоэтичны, например, образы смерти в стихотворении, прославляющем ее. Тут и опытный бандит с гирькой, и «тифозный чад», и арест в присутствии «бледного от страха управдома» («советизм», не рассчитанный на использование в лирике). Но общая тема такова, что снизить ее невозможно ничем.